290 г. от З.Э.

Склеп дома Гарденер, Хайгарден.

Город тысячи садов. Жемчужина Простора. Житница Семи Королевств. Как только не называли славную столицу самого живописного региона Вестероса. Хайгарден цвел и ширился от момента основания Гартом Зеленоруким и до властвования Мейса Осадника Тирелла по сей день. Даже в эпоху смуты, вызванной правлением Гарта Седобородого, сожжённый и разграбленный Хайгарден не потерял своего блеска и расцвел вновь, словно долгая зима уступила место цветущей весне. Плотная застройка цитадели с неприступными стенами нисколько не мешали биению жизни в этом месте, будто бы неиссякаемый её источник. Комфортный, циклопический по своим размерам, замок, достойный встать в один ряд с шедеврами архитектуры возведенными знаменитым Брандоном Строителем.

Белокаменные башни тянулись ввысь, опоясанные виноградными лозами и едва заметными трещинками, повествующими о делах давно минувших дней. Сказочное журчание фонтанов было не раз и не два названо одним из самых прекрасных звуков многими бардами в своих песнях и балладах. Многие благородные дамы и галантные рыцари были завсегдатаями сего, чарующего своей пышной красотой, места. Однако, на сегодняшний, казалось бы, ничем не отличимый от других день долгого лета, гостей столь чудного замка набралось преизрядное количество.

Впрочем, если знать контекст предшествующих сему дню событий, то и вопросов к количеству гостей не возникнет. Совсем недавно, едва год назад, отгремело восстание железнорожденных, заставившее большую часть Семи Королевств вновь схватится за оружие. Север, Долина, Речные земли, Запад, Королевские и Штормовые земли, объединенные клятвами новому королю и династическими браками, совместными усилиями смогли успешно разбить армию и флот мятежника Бейлона Грейджоя – самозванного короля Железных Островов.

Простор, как ни странно, также выказал поддержку новой власти, хотя ещё недавно сражался против неё. Хотя, если задуматься, то данное действие было вполне в интересах правящего дома Тиреллов. Выйти из политической изоляции, вызванной поддержкой прошлой династии, остановить угрозу подконтрольным берегам в лице, как раз таки, самих железнорожденных, а также выслужиться перед новыми королём. Если судить по проводимому ныне турниру на котором присутствовали многие знатные дома со всех концов андальских королевств, в числе которых был сам король и его супруга с наследником, то задачи, стоявшие перед Тиреллами на момент восстания Грейджоя были вполне достигнуты.

В конце концов, прошёл уже год с момента подавления восстания островитян и ровно семь лет со дня свержения драконов, пора бы королевской семье оказать свою милость одному из верховных домов и при этом сэкономить королевскую казну, что и так знавала лучшие времена. По крайней мере таковыми были истинные причины поездки короля и его свиты, со слов десницы короля – Джона Аррена, разумеется, за закрытыми дверями Малого совета. Несомненно, данное событие запомнится на долгие года всему цвету Простора, что собрался в древнем замке.

Всё происходящее в данный момент в Хайгардене несомненно интересно, но, пожалуй, стоит заглянуть чуть глубже, в самые недра столь причудливого места. Склеп Хайгардена, построенный во времена Эпохи Героев, как и многие склепы других великих домов, когда-то веривших в Старых богов, ныне был совсем заброшен. Когда погибли Мерн, его сыновья и другие взрослые мужского пола на Пламенном поле, то все их останки были тщательно собраны верными вассалами и по приказу Верховного лорда Простора – Харлена Тирелла, были навечно запечатаны в родовом склепе.

Чтобы хоть как-то заслужить уважение, недовольных его назначением, вассалов, Харлен создал почетный караул из семи рыцарей, септонов и септ, всеми силами показывая свою правопреемственность и при этом дистанцируясь от наследия Гарденеров для благожелательных отношений со своим новым сюзереном – Эйгоном Завоевателем. Харлен даже приказал соорудить новый склеп в другой части замка и строго настрого наказал своим потомкам хорониться только там и забыть о склепе прошлых королей Простора.

Годы шли. Король за королем. Лорд за лордом. Потрясение за потрясением. И вот за какие-то триста лет от почетного караула остался один только престарелый септон, почти ослепший от возраста, а из гостей всего пара паломников-мейстеров за несколько лет. Казало бы Гарденеров и вовсе забыли, впрочем, так оно и было, но осталось ждать совсем недолго, чтобы о них вспомнили, совсем недолго.

***

Эдмунд приходил в себя медленно, казалось, он не чувствовал ничего, что чувствовал когда-либо и при этом всё, что мог бы почувствовать когда-либо. Попытавшись открыть глаза, Эдмунд осознал, что неспособен поднять веки. В панике, совсем легкой, от неясности сознания, он попытался встать или хотя бы пошевелиться, но и в этой попытке он потерпел поражение. Осознание того, что он не способен двигаться, накатывало на Эдмунда-Луи легкими волнами страха.

«Что ,если всё это было сном или галлюцинациями?». «Что, если я сейчас нахожусь в больнице прикованный к постели после инсульта?». «А если я останусь инвалидом на всю жизнь?» Подобные мысли начали одолевать сознание бывшего ирландца, ровно до того момента, пока не послышался шипящий звук, нет, скорее голос, где-то из глубин самой его души.

- Спокойнее, смертный, спокойнее. Всё в порядке. – этот голос определённо принадлежал не человеку, а чему-то более великому и даже смутно знакомому памяти Эдмунда.

«В порядке?! Я не могу пошевелится! Я даже не знаю где я и что со мной, а вы, кто бы вы ни были, просите меня успокоиться?!» - состояние бывшего МакМёрфи разительно отличалось от того каким оно было на момент разговора с Семерыми, казалось, к нему вернулось нечто потерянное после смерти. Вернулись забытые, словно в глубоком сне, эмоции, а вместе с ними и иррациональное мышление, кое является неотъемлемой частью любого человеческого сознания.

- Шшшш, потише, смертный. Моё расположение относится только к мертвым, а не живым, и сей разговор состоялся только потому, что ты ещё находишься на распутье между жизнью и смертью. Имя мне – Неведомый. Я – проводник и владыка загробного мира, один из семи ликов единого бога, обладающий, пожалуй, куда большей автономией среди всех остальных, не считая Отца, но на то есть свои причины. – не изменяя мертвецки холодной и бесстрастной интонации, собеседник Эдмунда будто бы заглядывал парню в голову, предостерегая его от необдуманных мыслей.

После своеобразного представления одного из своих покровителей/хозяев, Луи ощутил странное, но успокаивающее воздействие. Словно аура существа, которое здесь находилось, не располагала к резким перепадам настроения и обладала мистическим свойством приводить расшатанную, недавними событиями, психику в порядок. От того и следующие мысли МакМёрфи были более спокойными, чем ранее.

«Я… пожалуй, должен извиниться за мои резкие слова, господин Неведомый. Боюсь я ещё не совсем осознал в каком состоянии нахожусь и чего вообще ожидать после всего того, что случилось. Буду рад, если вы сможете просветить меня». Максимально вежливо постарался обратиться Луи к божеству.

- Что ж, я доволен тем, что твоя истерика была столь же мимолетной, как и твоё существование в прошлом. Однако, не стоит применять ко мне такие понятия, как господин. Отцу быть может и понравилось бы, но я не господствую, а властвую, что, несомненно, разные понятия. Вряд ли ты поймешь это, но этого и не требуется, лишь запомни и не повторяй ошибок вновь. Что же касается твоего положения, то прошло уже три дня с момента твоего возрождения, и вместе с восстановлением большей части первичных внутренних органов, твоё сознание смогло вновь пробудится. Несомненный успех моего дара, однако, осталось ещё четыре дня до полного возрождения, а с началом восстановления нервной системы наш, несомненно, важный разговор будет прерван твоими криками боли, так что, думаю, нам стоит сделать то, что я делаю весьма редко – поспешить. – флегматичный голос одного из самых таинственных божеств андальского пантеона, казалось и вовсе не имел интереса во всём происходящем, но при этом информация, которую он вылил на Луи, словно ведро ледяной воды, кого угодно могла привести в ступор.

«Простите, что? Я не совсем понимаю, что значит восстановление органов? Это как-то связано с тем, что я не могу пошевелится и вообще ничего не могу почувствовать?». Луи пребывал в сильном недоумении, от того и вопросы от него сыпались как из рога изобилия.

- Признаться, я знал, что понять смертному будет непросто, но пока что спишем это на твоё хрупкое, собранное новым мозгом, по крупицам, сознание. Итак, как я уже говорил, ты возродился в собственных останках три дня тому назад. Как ты считаешь, много ли осталось от Эдмунда Гарденера после того, как его сжег дракон? Не отвечай, мне прекрасно известно, что воспоминания о жизни Эдмундом ещё не вернулись, этим займется Старица, но чуть позже. В общем, пара обгоревших костей, да пепел, что был по ветру развеян.

«То есть… моё тело…».

- Верно. За первый день восстановились кости, за второй мозг, а за третий сердце и кровообращение. Проще говоря, для твоего ограниченного смертным естеством разума, ты сейчас больше умертвие, чем живой человек. Дышать же ты пока не можешь, хотя и осознаешь себя и происходящее. – голос божества, меланхоличный, но от того столь же загадочный, замолчал, давая Луи возможность усвоить озвученную информацию.

И точно. Дыхание для человека настолько естественный процесс, что если бы воздух не был нужен человеческому телу для функционирования, то и заметить отсутствие самой возможности дышать было бы практически невозможно, что и случилось с парнем, начавшим в полной мере осознавать своё положение.

«Но как же так? Разве такое вообще возможно?». МакМёрфи был обескуражен, пытаясь, как и каждый сознательный человек 21 века найти рациональное объяснение происходящему, но в голову, как на зло, ничего не могло прийти.

- Не забывай, что ты избран нашим чемпионом, смертный. У тебя больше привилегий, чем у большинства смертных, но и на вечную жизнь не надейся, скорее на хорошее долголетие, но и только. У нас много сфер влияния, но вечную жизнь в плане смертных мы не обещаем. Пользуйся своим новым шансом с умом. В конце концов, этот дар тебе передан именно от меня. Осталось совсем немного до восстановления нервной системы, так что я тебя покидаю. Мы продолжим нашу беседу на седьмой день, когда ты будешь готов выйти в мир. – флегматичный голос Неведомого постепенно начал стихать, пока и вовсе не растаял во тьме, что окружала чемпиона Семерых.

«Погодите! Я ведь вообще не просил обо всем этом! Неужели нельзя было сделать всё куда проще? Создать новое тело в конце концов?!». Вместе с уходом божества притупленные эмоции вернулись к Луи, что вновь впал в истерику, хватаясь за один из ликов Семерых, как за спасательный круг. Он оставался один в темноте, не имея возможности пошевелится, увидеть, почуять или хотя бы потрогать то, что его окружало. Ни звука, только пустота и единственный собеседник покинул его столь же резко, как и появился.

- Жизнь не похожа на сказку, чемпион, а я не добрая фея. Ничего не дается без испытания, особенно новая жизнь… — это было последнее, что услышал парень от Неведомого, прежде чем окончательно и бесповоротно погрузится во тьму своего пристанища.

***

Неизвестно сколько времени провел Луи ничего не ощущая, абсолютно беспомощный. Он пытался кричать, но не смог издать ни звука. Он пытался заснуть, но так и не смог заставить своё сознание отключится вновь. От отчаяния он хотел заплакать, но чем? Ведь у парня не было ни кожи, ни глаз. Возможно, именно так ощущают себя люди находясь в коме? Подобные мысли не раз и не два приходили в голову бывшему ирландцу, чьим единственным развлечением был внутренний монолог.

В чем он только не пытался убеждать себя. В том, что всё происходящее сон, бред,

галлюцинации или приход, вызванный передозировкой снотворного, но происходящее с ним не спешило прекращаться. В какой-то момент он и вовсе стал вести диалог сам собой представляя, что он и есть те самые божества и у него всего лишь расщепление личности, но ровно до того момента, как он не начал чувствовать легкое покалывание, как ему казалось, чуть ниже мозжечка.

В начале обрадованный тем, что он начал чувствовать хоть что-то, Луи быстро поменял своё мнение, когда вслед за чувством покалывания пришла боль. Воздух. Он чувствовал его, как этот медленный и затхлый воздух соприкасается с нервными окончаниями, которые начали медленный процесс восстановления. Маленькие, словно ползущие внутри него черви, нити нервных окончаний удлинялись и расползались в разные стороны. Чем больше их становилось, тем сильнее казалась боль от воздуха, что проходил через пустые глазницы его черепа и ребер. Да, Луи не мог этого видеть, но его новый мозг, казалось, считал своей обязанностью наполнить сознание МакМёрфи картинками подобного процесса.

В какой-то момент показалось, что нервная система окончательно соединилась с мозгом из-за чего боль усилилась многократно. Резкая, словно его всего пропустили через мясорубку, наполненную кусками стекла, она не останавливалась ни на секунду, полностью заполняя собой все мысли парня, думать о чём-то другом уже не хватало сил. Нити нервных окончаний опускались, всё ниже проходя через позвоночник и расходясь в разные стороны, к рукам и ногам. Вскоре, нити соединились с сердцем. Луи не слышал, но, чувствовал, как медленно и тяжело бьётся оно, а стоило процессу возобновиться, как окружающий его тело воздух стал колоть главный орган кровообращения.

Пытка продолжалась, казалось, вечность. Ведь стоило нервной системе восстановиться, как начали зарождаться и другие его органы – почки, печень, селезёнка, кишечники. Появление каждого органа, каждой частицы его нового тела, усиливало ощущения Луи. Первый свой вздох МакМёрфи не услышал, ведь было нечем. И даже возможность дыхания не смогла обрадовать пребывающего в агонии восстановления человека. Всё-таки каждый глоток затхлого воздуха также приходил с болью и ощущением помутнения, столь легкого и практически незаметного.

Каждая инородная частица, будь то пыль, песок или кусочек камня приводили парня в дикий ужас. Ведь стоило процессу восстановления натолкнуться на какое-либо препятствие, как начинался ещё более болезненный процесс его устранения и только затем уже продолжение этих нескончаемых пыток. Двигаться парень не мог, несмотря на, казалось бы, постепенно нарастающую плоть и мышцы, о чем он позже поблагодарил Неведомого, ведь появись у него на тот момент такая возможность, как он тут же бы разодрал своими руками всё что угодно и раздавил бы в кулаке собственное сердце, всё, чтобы прекратить эти муки.

Появление глаз, слуха и запаха, Луи принял стоически. В определенный момент боль начала стихать, а после испытанного, ощущения от оставшейся агонии напоминали жужжание мухи. Да, раздражает, но не более. Глаза в этой ситуации стали самым бесполезным органом, т.к. из-за отсутствия света, увидеть что-либо было невозможно.

Слух принес чуть больше безумия, чем облегчения. МакМёрфи стал слышать биение собственного сердца, текущую по сосудам кровь, звуки восстановления различных частей

собственного тела, а также звуки внешние в виде, едва уловимых, лап жуков, снующих по тому месту, где парень находился. К счастью, самих жуков, в месте нахождения собственного тела, бывший ирландец не ощущал.

Запах же был затхлым, сырым, с некоторыми нотками разложения. Отвратительно и не очень интересно.

Стоило боли отступить и даровать тем самым Луи возможность ясно мыслить, как тот от скуки начал считать секунды, всё-таки это было намного лучше, чем его прошлое времяпровождение. Он понимал, что вскоре сможет вновь заговорить с божеством, т.к. процесс восстановления тела уже практически подошёл к концу, а вместе с этим он наконец уберется из этой всеми забытой могилы.

Долго ждать не пришлось. Где-то на тридцатитысячной секунде Неведомый вновь явил себя.

— Вот и минуло три с половиной дня, смертный. Не скучал? – бесстрастный голос Неведомого не выражал эмоций, но Эдмунду определённо показалось, что на сей раз божество немного издевается над ним, о чем он не преминул высказать.

«Неужели вам смешно?». Луи не злился, всё-таки вместе с ликом единого бога вернулась и его успокаивающая аура. Скорее его внутренний голос выражал интерес к чертам личности одного из своих покровителей.

- Немного. В конце концов, моя сфера власти обязывает любить черный юмор и не любить живых. А ты ведь уже практически жив, смертный. Твоё тело здорово и восстановлено, только лишь имя забыто, но это пока. Стоит имени Эдмунда Гарденера вновь появится на устах любого живого человека, как ты вновь станешь жив для мира и для меня, от чего мы вряд ли сможем поговорить вновь. Есть ли у тебя какие-то вопросы? – божество уступчиво замолчало, казалось бы, признавая вину за неподобающее отношение к испытанным Гарденером ощущениям.

«Когда я смогу двигаться? Что мне стоит ожидать за пределами этого места? Куда идти и что делать? И когда вернуться обещанные воспоминания в конце то концов?». Луи только и ждал возможности забросать собеседника вопросами. Неведомый же терпеливо и бесстрастно держал перед ним ответ.

- Разъясню доступно, смертный. Находишься ты в склепе собственного рода, на одном из верхних этажей, так что выбираться долго не придётся, всё-таки это запутанный даже по моим меркам лабиринт. Возможность двигаться вернется к тебе вместе с воспоминаниями, что случится как раз после нашей беседы. Сейчас, в Хайгардене проходит турнир в честь победы над железнорожденными и короля, что их одолел. Твоё появление запланировано на закат седьмого дня, уже всё подготовлено, ты только не растеряйся, хорошо? В момент нашего знака, толкни небольшую речь и представься, заяви о притязаниях, а затем не теряй времени и прыгай на любезно предоставленный Воином транспорт. Держи путь на север, к Острову Ликов, не останавливаясь, и постарайся не умереть. Там ты получишь дальнейшие и скорее

всего последние указания. Пожалуй, на этом всё. Приготовься, чемпион. Возвращение воспоминаний процесс трудоёмкий и всегда неприятный. – голос Неведомого вновь стих, оставив Луи в очередной раз с самим собой.

«Как же иначе?» - в раздражении вопросил МакМёрфи, чувствуя, как подступает сон, которого ещё совсем недавно он желал так страстно, а теперь желающий отсрочить его всеми силами. Но что мог простой человек против воли богов, находясь полностью в их власти?

***

Цветная лента из воспоминаний проносились перед взором Луи МакМерфи, чтобы окончательно и бесповоротно сделать того Эдмундом Гарденером, наследником Дубового трона. Калейдоскоп из картинок раннего младенчества пронёсся в один миг, прежде чем остановится на воспоминаниях о раннем детстве.

Вот он, маленький мальчик крепко сжимающий руку отца и матери, во время прогулок по цветущим садам Хайгардена, где развиваются белые знамена с зеленой дланью по середине. Рядом идет служанка, сжимающая, уснувшего ещё совсем недавно, Гавена – его родного двухлетнего брата. Отец улыбается, одетый в цвета их дома: белый и зеленый. Он рассказывает ему истории о его великих предках, ибо уроки истории у архимейстера Хайгардена невероятно скучны, а у отца так живы.

Мать гладит его по голове, замечая восторженный взгляд сына, когда отец рассказывает ему о подвигах Гарта Златорукого. Отец же смеется над реакцией сына и сразу после матери треплет его волосы, приговаривая о том, что верит в него, как в наследника Простора. Журчат фонтаны, возле которых остановилась королевская семья, ибо выдался на диво жаркий и душный день лета.

Рядом, чуть поодаль, расположились приближенные отца: ещё молодой Харлен Тирелл - стюард Хайгардена, Роберт Рован, отвечающий за торговлю по суше, Уильямм Осгрей – Хранитель Северной Марки и военный советник, а также Манфред Хайтауэр, что заведовал торговлей морской. Они часто посещали Хайгарден по различным делам и потому были нередкими спутниками на их семейных прогулках.

Харлена юный Эдмунд любил, тот часто потакал всем желаниям юного наследника и закрывал глаза на мелкие проказы. Рован был любителем выпить, от того пока ещё молодой принц его не интересовал, что, пожалуй, было взаимно. Осгрей был суровым дядькой под два метра ростом, почти гигант из древних сказок, как любил говорить отец. Именно он в будущем возьмет Эдмунда оруженосцем и сделает из него рыцаря. Хайтауэра не любили практически все, слишком дерганным и богобоязненным тот был, водя с собой трёх, а то четырех, септонов, однако, дело своё знал от того и считался полезным человеком.

Сцена сменяется.

Теперь он уже юноша. Лет десяти, не больше. Он проводит большую часть времени на

тренировочной площадке Холодного рва – родового замка Осгреев. Лорд Уильямм периодически тренирует его лично, указывая на ошибки и делясь воинской мудростью. За это время он успел немного постареть, но при этом и не потерял той суровости, которую помнил из детства Эдмунд, скорее она стала ещё более ярко выраженной чертой этого человека, ставшего для Гарденера значимым авторитетом.

Извечными спарринг-партнерами Эдмунда являются братья Осгреи, с разницей в один год. Один из них – Мартин, был внешностью в отца, чуть блондин, но всё же с отличимым русым цветом, что так распространён среди многих домов Простора, балагур и весельчак из-за чего ему частенько влетало от сурового сира Уильямма. Второй – Лионель, внешностью пошёл в свою мать, бывшую в девичестве Окхарт, от того и был черноволос, всегда казался немного чопорным, но при этом не отказывался от затей брата, хотя при этом он никогда не попадался на месте преступления вместе с ним.

В последствии они станут лучшими друзьями. И разделят общую судьбу – сгорят на Пламенном поле.

Сцена вновь сменяется. В этот раз ему уже пятнадцать. Его друзья, также возмужавшие, вместе с ним, правда в их компанию добавился чуть ссутуленный Арвин Флорент с привычными, для своей семьи, оттопыренными ушами. Слегка рыжеват, он быстро влился в их компанию за счет хороших боевых навыков и странноватого чувства юмора, которое, как влитое, дополняло его собственное. Познакомились они на турнире в Хайгардене, что отец организовал для него, после того как сир Уильямм посвятил Эдмунда в рыцари. Там юный Гарденер занял почетное третье место, заслужив уважение среди многих опытных рыцарей.

После турнира они всей компанией отправились в Старомест, чтобы осмотреть известный во всем Вестеросе торговый порт, являющийся центром веры и науки всей андальской культуры. Дополнительными задачами, поставленными перед Эдмундом отцом, во время этой поездки, были: показать себя, возмужавшего, перед главными знаменосцами Простора, присмотреться к дочерям лорда Манфреда, а также передать короткое, но очень важное послание. Что же, дорога звала и совместив приятное с полезным Эдмунд с друзьями двинулись в путь.

По дороге на Старомест они решили сделать небольшой крюк и погостить в гостях у Флорента, что привело к посещению местного дома удовольствия. Именно там Эдмунд в первый раз познал всю прелесть ласок и тепла женского тела, после чего, они задержались ещё на несколько дней и только после того, как потратили приличную сумму, вновь двинулись в путь.

Встреча с лордом Манфредом прошла спокойно, тот представил своих высокородных гостей своим сыновьям и дочерям, приняв отрока сюзерена и его друзей со всеми почестями. Правда за время личной беседы случился небольшой конфуз, т.к. на вопрос о местонахождении дома удовольствий в Староместе богобоязненный лорд Манфред осенил себя знамением Семерых и поспешил выпроводить Эдмунда из солярия.

Расстраиваться Эдмунд не спешил и, взяв под руки друзей, отправился на поиски приключений. Они успели найти и дом удовольствий, при этом не один, и знаменитый портовый бар, где успели подраться с несколькими браавосийцами, посетить Цитадель,

заскучать, посетить Звездную септу, восхитится красотой и снова немного заскучать от проповедей Верховного септона. В конечном итоге, в замок Хайтауэров они вернулись только под вечер, где, ещё немного посидев в трапезной с хозяевами, отбыли на боковую.

По итогам данной поездки Эдмунд понял одно – все девушки из Хайтауэров невероятно миловидны и красивы, с серебристыми и золотыми волосами как на подбор, но… либо слишком религиозны, либо слишком чопорны и повернуты на книжках. Быть может, это была родовая традиция так воспитывать дочерей, либо же личным желанием лорда Манфреда, но Эдмунд видеть своей женой кого-либо из Хайтауэров не хотел.

Сцена меняется.

Вот ему уже семнадцать. Выслушав слова сына после поездки, отец решил учесть пожелания Эдмунда и нашёл ему жену вполне изысканную и не такую богобоязненную, но при этом дающую Простору немалую пользу. В общем, Мерн IX умудрился заключить вполне неплохой династический брак с изрядным прибытком для королевства.

Женой Эдмунда стала Лорелла Ланнистер – старшая дочь короля Утеса, Лорена Ланнистера из Западных земель. Мало того, что приданное было большим даже по меркам королей, так ещё были заключены договоренности об оборонительном союзе. Запад обещался прийти на помощь Простору в случае очередной войны с Дорном, а Простор взял на себя обязанность помочь Утесу в случае нападения Хоаров из Речных земель и Железных островов.

Жена Эдмунду сразу понравилась. Изящная, с красивой фигурой и золотистыми волосами. Её изумрудные глаза словно сияли в день их свадьбы. Она была в меру кроткой, но при этом не забывала о достоинстве, с ней всегда можно было поддержать разговор и при этом она любила выезжать на охоту вместе с мужем.

В общем, если Эдмунд и не влюбился, то был весьма близок к этому. Однако, первая брачная ночь расставила всё по своим места. Похоже женщины Ланнистеры слишком буквально понимают высказывание о львицах в постели. После их первой ночи, было утро, затем день и только на следующую ночь они смогли забыться спокойным сном. После этого юный принц решил окончательно осесть в столице, рядом с семьёй, а брак меж супругами получился не в пример более удачливым, чем многие.

Уже через год у Эдмунда родился сын – юный Мерн, был назван в честь деда, что необыкновенно тому польстило. В будущем Мерн станет оруженосцем собственного отца, что станет роковой ошибкой для них обоих. Но пока что всё было спокойно и Эдмунд проводил счастливые дни в окружении любящей семьи и верных друзей.

Картина, представшая перед Эдмундом, вновь меняется.

Они находятся в тронном зале Хайгардена. Отец восседает на Дубовом троне и хмуро смотрит на посланника, вернувшегося с новостями, из Штормовых земель. Мерн IX собрал практически всю свою семью и самых верных вассалов, в числе которых были Флоренты, Рованы, Окхарты,

Осгреи, Тарли, Хайтауэры и другие. Лицо короля было хмурым и задумчивым, седина тронула его волосы – разительный контраст с детскими воспоминаниями.

Беда пришла откуда не ждали. Молодой и амбициозный Эйгон Таргариен, лорд Драконьего камня, отринул щедрое предложение Аргилака Дюррандона, короля Штормовых земель, о женитьбе на его дочери и заявив, что в Вестеросе отныне будет один король, высадился со своей десятитысячной армией в заливе Черноводной. Все бы ничего, если бы у изгнанника из Древней Валирии не было при себе трех взрослых, прирученных, драконов, которые разбили армию Штормовых земель. То, что сделал Эйгон был немыслимо для всех благородных домов Вестероса, сожжение Харенхолла и убийство почти всех Хоаров могло бы вполне обрадовать просторцев, если бы не наглое уничтожение дома Дюррандонов. Подумать только, он позволил своему брату-бастарду не только убить короля Штормов, но и взять последнюю дочь дома в жены, присвоив родовой замок и девиз древнего дома. Наглость и коварство, вот что сейчас думали люди.

Отец, как и все находящиеся в зале, внимательно выслушал всё, что хотел сказать посланник, и отпустив его на постой, принялся за бурное обсуждение. Споры не стихали до самой ночи. Отец гневался и ярился дать отпор Эйгону и его сестрам-женам, слал письма дальним вассалам, которых не было на собрании и королю Утеса, призывая вспомнить о союзе. Затем, раздав указания всем остальным о том, чтобы те собирали собственное ополчение, он отошел ко сну, как и все гости.

На утро замок опустел от гостей, но при этом в нём кипела жизнь как никогда не видел Эдмунд. Харлен занимался тем, что приводил дела замка в порядок и при этом переводил тот, на осадное положение, сир Уильямм как и остальные отбыл утром, чтобы организовать место сбора войск. Отец же был куда более весел, чем день тому назад, когда получил страшную весть из Штормовых земель. Он верил в силу армии Простора и заключенных союзов, а также верил в Семерых, что помогут ему одолеть нечестивых валирийцев.

Эта же уверенность передалась и Эдмунду, что верил в мудрость своего отца.

Лорен Ланнистер, король Утеса, ответил на призыв Мерна и собрав собственное войско, направился на условленное место встречи, чтобы, объединившись с Простором, дать отпор захватчику. Последний раз поцеловав жену перед отбытием в Золотую рощу, Эдмунд вместе с войском Простора выдвинулся в путь. Многочисленные братья, кузены и дальние родственники его семьи также отправились в этот поход.

Уже на месте встречи выяснилась неприятная новость – войско Хайтауэров так и не прибыло на место встречи. Ждать смысла не было, т.к. собранное войско и так превосходило своими размерами то, что когда-либо видел Вестерос. Во главе столь мощной армии в пятьдесят пять тысяч мечей и пять тысяч конных рыцарей, по общему обсуждению, встал отец Эдмунда - Мерн IX Гарденер, ибо привел в полтора раза больше войск, чем привел Лорен. Ещё одна ошибка, если бы не которая, всё могло бы случится иначе.

Войска сошлись на ровном пшеничном поле близ Черноводной. Армия Простора и Запада была в пять раз больше, чем выставил Эйгон. Победа, казалось, была близка, но ровно до момента

появления Эйгона и его сестер-жен верхом на своих драконах. Стена пламени озарила небо, и конница на полном скаку влетала в неё.

Эдмунд видел и слышал как сгорел с ужасным криком его отец, а вместе с ним и лорд Уильямм Осгрей, что был подле своего короля с момента начала битвы. От страха скорой смерти он попытался остановить несущегося на полном скаку коня, но только вызвал собственное падение, что, впрочем, ненадолго спасло ему жизни, т.к. как волна пламени первым делом сожгла именно жеребца и только потом накинулось на него, принося нестерпимую и адскую боль, тысячи огненных языков пожрали заживо его тело, плавя доспехи, кожу и плоть.

Эдмунд уже не мог видеть, как сгорают один за другим его друзья и знакомые. Собственные сын, его же оруженосец, что отправился на эту битву вслед за своей семьей. Брат, что также взял своего сына, племянника Эдмунда на битву. Практически все лорды Простора пали в тот день вместе со своим королем, а род Гарденеров и вовсе перестал существовать. В этот раз Эдмунд видел последствия гордыни своего отца и семьи более отчетливо, чем когда-либо, ведь с его смертью воспоминания не закончились. Старица, что была ответственна за показанное, определенно, хотела продемонстрировать Гарденеру все последствия той битвы.

Затем, уже со стороны, Гарденер видел, как Харлен Тирелл смиренно открыл ворота перед захватчиком и склонил голову, ведь не осталось тех, кому он смог бы вернуть замок. Видел, как отправляется в септы его мать, а жена отбывает на родину с потерянным лицом, ведь Лорен выжил в той сече, ибо не был в авангарде, от того и успел преклонить колени. Видел, как сдает свой город Манфред Хайтауэр, после прилета Эйгона на драконе, единственный кто мог бы противопоставить завоевателю хоть что-то, тем самым знаменуя полное покорение Простора.

***

Поток воспоминаний подошёл к концу, вызвав у Эдмунда стон боли. По привычке попытавшись прижать руку к голове, он натолкнулся обратной стороной ладони на камень. Осознав, что способен снова двигаться, Эдмунд, теперь уже точно, медленно провел рукой по трещинам старой горной породы. Родной склеп вызывал у юного Гарденера теперь уж точно не страх и отвращение, а печаль, долгую и мучительную, по всем, кого он знал и кто был похоронен в этом месте почти три сотни лет тому назад.

Надавив рукой, надгробная плита с легкостью поддалась и отъехала в сторону. В склепе всё ещё было темно. Посетителей в нём почти не было, от того и зажигать факелы или свечи не имелось никакого резона. Однако, свет больше не был нужен, не владельцу данного места, что не один час своего детства провел за изучением этих древних стен. Воздух здесь был по-прежнему затхлым, но не таким же, как в пыльном подобии саркофага, куда помещали останки членов его семьи, а более сырым душным. Впрочем, сейчас стояла жаркое лето, а он совсем немного, но находился под землей.

Продвигаясь всё дальше, во тьму темных коридоров, только по одному ему известному маршруту, Эдмунд размышлял. О прошлом, о настоящем, о будущем. Его мысли блуждали во тьме, как и он сам, но если в реальности он мог ориентироваться на ощупь, то в голове присутствовал полный бардак. Несмотря на то, что он прожил куда большую жизнь будучи Луи

МакМерфи, осознание себя Гарденером делало его куда более полноценным.

«Однако, почему Семеро выбрали меня? Они сказали, что я всё пойму, когда всё вспомню, но мои мысли по-прежнему в раздрае, а причину я и придумать не могу. Неужели только из-за наследия моей семьи? Быть может, но зачем же обладая силой вернуть меня к жизни они не остановили Эйгона и его бесчинства? Не хотели или больше рассчитывали на его драконов? Ох, как же всё было проще совсем недавно».

Пробираясь по довольно просторным коридорам родового склепа, Эдмунд определял направление больше по свежести воздуха, ведь из-за отсутствия должного ухода за эти три столетия склеп изрядно осыпался, что порой сильно мешало разобрать в какой именно его части находился Гарденер, но совокупность воспоминаний и ощущений нового тела вели его навстречу закатному солнцу и свободе, новой жизни и борьбе за своё наследие.

И вот, уже оказавшись прямо напротив выхода, из которого пробивался маленький лучик света, Эдмунд застыл. Как примет его Простор и весь Вестерос после смерти и чудесного воскрешения? Что приготовили для него Семеро и что вообще стоит от них ожидать? Ответы на эти вопросы лежали прямо за узорчатыми дверями выхода. Решившись, Эдмунд Гарденер, потомок Гарта Зеленорукого, Гарта Златорукого, с рывком толкнул двери ведущие наружу, вдыхая чистый воздух и приветствуя закатное солнце новой жизни.

Хайгарден.

http://tl.rulate.ru/book/82574/2629547